

Marina Tsvetaeva

Seventy-five Selected Poems

A Working Repository of Poems and Translations
Spring 2010

These translations are literal translations without any attempt to preserve the Russian rhyme and rhythm.

The Russian texts were obtained from
<http://www.tsvetayeva.com/poems.php>

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
— Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей — и в небе счастья нет?

1907

Encounter

--Evening mists rising over the city
Somewhere in the distance trains running
Suddenly flashed, like bright anemones
A childish face in one of the windows.

In centuries old shadows. Like a crown
Lay curls ... I kept screaming:
I understood in this brief moment,
What awakens the dead, our groans.

The girl at the dark window
- An apparition in the sullen station -
I have never met in the valleys of my dreams.

But why was she so sad?
Was I searching for a transparent silhouette?
Maybe she was unhappy – and in heaven is no bliss?

1907

Маме

В старом вальсе штраусовском
впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)

For Mama

When you played an old Strauss waltz, we, for the
first time,
Heard your quiet, distressed call,
Since then, we have been aliens among living beings
And only enjoyed the quick passing of the hours.

We, like you, welcomed sunsets,
Hypnotized by the proximity of your end.
On better evenings you made us feel enriched,
As you fought for our hearts.

You served our childhood dreams tirelessly
(Without you, we only look at the moon!)

Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто
печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

1907

You guided your girls through your
Bitter life of sufferings and pains.

In our early years you were close to us, you who was
sad,
A joyless and alien home remains in our blood ...
Our ship was set asail at a bad moment
And founders at the whim of every wind!

Ever paler grows the blue island – of our childhood,
We stand alone on deck.
We see the sadness in the inheritance
You, O mother, left to your girls!

1907

After the death of her mother 1906

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду - волк
И помнить: я - овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка,- молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

1910

I'm just a girl. My duty
Before the wedding altar is
Not to forget, everywhere are - wolfs
And to remember: I am - a sheep.

Dreaming about a golden castle
Shake, turn, jump
At first a doll, and later
No doll, but nearly one.

In my hand there is no sword
No singing string.
I'm just a girl - silent.
Oh, if I were only

Looking at the stars to know that
There is a star for me too,
I would smile at all eyes around me,
Not lowering my eyes!

1910

Ах, как многие из них попали в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

Oh, how many of them fell into this abyss,
Openness far away in the distance!
The day will come when I am gone
From the surface of the earth.

Stiffen all that singing and struggle,
Shine and burst.
And the green of my eyes, and gentle voice,
And the gold hair.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все - как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
- Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем - что мне, ни в чем не знавшей
меры,
Чужие и свои?!-
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто - слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность -
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
- Послушайте!- Еще меня любите -
За то, что я умру.

1912

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий,
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,-
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
"Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все".

And there is life with its daily bread,
With forgetfulness of the day.
And it was all - as would be under heaven
And there was no me!

Changeable, like children are, each mine,
And as long as there is evil,
We love the hour when the wood in the fireplace
Turns to ashes.

A cello, and often a procession,
And the bell in the village ...
- I, so lively and present
On this gentle earth!

To all of you - I, who knows no measure,
Strangers and all?! -
I appeal for faith
And ask for love.

And day and night, in writing and talking:
In truth, yes and no,
Because I do that so often - very sadly
And I am only twenty

Therefore I ask straight for -
Forgiveness of all injuries,
Caused by my unrestrained affection
And a too proud appearance,

For a speedy improvement,
In truth, in a game ...
- Listen! - Would someone love me -
For that would I die.

1912

I dedicate these lines to
Those who will arrange my coffin.
When you open my high,
Hated forehead.

Changed unnecessarily,
By a crown on my head, -
My own heart alien
Will I lie in the coffin.

They will not look at my face:
"I hear all! Can see all!
My being in that coffin still hurts
Being like them."

В платье белоснежном - с детства
Нелюбимый цвет!-
Лягу - с кем-то по соседству?-
До скончания лет.

Слушайте!- Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю!- Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Весна 1913, Москва

Трехпрудный

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю - пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно - чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

1913

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я - поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

In a white gown - in childhood's
Unloved color! -
Will I lie - with someone for company? -
Until the end of my years.

Listen! - I do not accept!
This – trap!
It will not be me upo bury me,
Not me.

I know! - All will be burned to ashes!
And the the grave will shelter
Nothing, that I loved,
or lived.

Spring 1913, Moscow

Tryokhprudny Lane

You, whose dreams are not yet lost,
Whose movements are quiet,
Come to narrow Tryokhprudny lane,
If you love my poetry.

O, how sunny and how starry
Hear my vital first volume,
I implore you - before it's too late,
Come and see our house!

It will soon be a ruined world
Look at it in secrecy
While the poplar has not been cut down
And our house has not been sold.

This poplar! Underneath huddle
Our children in the evening.
This poplar in the midst of acacias
Colors of ash and silver.

This world is irrevocably - wonderful.
While you can still find it, hurry!
In narrow Trëkhprudny lane,
In this soul of my soul.

1913

Trying to rent the house after her father's death

My poems, written so early
That I did not know, that I was - a poet,
Thrown, like drops from a fountain,
Like sparks from a rocket,

Ворвавшись, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
- Нечитанным стихам! -

Разбросанным в пыли по магазинам,
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти - слепоты куриной
И маков набрав букет -
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
- И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

That burst like tiny devils,
Into the sanctuary of sleep and incense,
My poems about youth and death,
- Unread poems! -

Scattered in dusty shops,
(Where no one ever took or bought them!)
My poems, like precious wines,
Their time will come.

Koktebel, May 13, 1913

Walker, you look like me,
Eyes cast down.
I once lowered them - too!
Passer-by, wait!

Read – when you have gathered
A bouquet of poppies -
That I was called Marina
And how old I was.

Do not think that this is - a grave,
That I will appear, scary ...
I too was fond of myself
Laughing when I shouldn't have!

The blood would rush to my face,
And my hair would curl ...
I too was a passer-by!
Passer-by, stop!

Grab yourself a wild stem
Of berries after that:
Graveyard strawberries
Are sumptuous and sweet.

But do not stand sullenly,
With a drooping head on your chest,
It's easy to think of me,
It's easy to forget me.

How the light shines on you!
You're covered in golden dust ...
- And let it not disturb you,
My voice from under the earth.

Koktebel, May 3, 1913

Солнцем жилки налиты - не кровью -
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
- Странно чувствовать так сильно и так просто
Мимолетность жизни - и свою.

Коктебель, 15 мая 1913

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо
- Да, в Вечности - жена, не на бумаге. -
Его чрезмерно узкое лицо -
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза - прекрасно-бесполезны! -
Под крыльями распахнутых бровей -
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
- Всем вам, кто жил и умирал без страха. -
Такие - в роковые времена -
Слагают стансы - и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

Veins filled with sun - not blood -
Hands, brown already.
I am one with my great love
Who owns my soul.

I am waiting for grasshoppers, I think of a hundred,
Stalks plucked and chewed ...
- It is strange to feel so strongly and so simply
The transience of my life - and his.

Koktebel May 15, 1913

S. E. (Sergey Efron)

I am defiantly wearing his ring
- Yes, in Eternity - as wife, not on paper. -
His overly narrow face -
Like a sword.

His mute mouth, angles down,
Painfully gorgeous eyebrows.
In his face tragically merged
Two ancient blood lines.

He is thin like first fragile branches.
His eyes - beautifully-useless! -
Under the wings of his open brows -
Two abysses.

To his face I am faithful and true.
- As you all are, who lived and died without fear. -
Thus - in such fateful times -
I compose stanzas - and go on the block.

Koktebel, June 3, 1914

To her husband after she had met Sophia Parmok

П. Э. (Петр Эфрон)

1.
День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И - помнится - тихонько пели
Колокола.

Poems to P. E. (Pyotr Efron) (selections)

1.
The August day was slowly melting
Into the golden afternoon dust.
A few rattling trams,
And people passing.

Absent-mindedly, as if without a goal,
I took a quiet lane.
And - I remember - the soft pealing
Of bells.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо - или надо - розу
Вам принести.

И все приготавливала фразу,
Увы, забытую потом. -
И вдруг - совсем нежданно - сразу! -
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее - крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. - Он дома,
Сейчас придет.

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. -
Я буду помнить все разводы
Цветных обой.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере -
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери -
И Вы вошли.

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. -
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря -
Еще за миг.

Я героически боролась.
- Мы с Вами даже ели суп! -
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

I envision your pose
I decide everything on the way:
I should not - or should I -
Bring you a rose.

And all the way I was preparing a phrase
Alas, forgotten then. -
And suddenly - quite unexpectedly - once! -
That very house.

Multi-storeyed, with a view of boredom ...
I think that is his window, there the staircase.
Involuntarily, the hands reach for -
My throat - my cross.

I think of the gray floors,
Me being lead towards a fire.
No time for reflection.
I ring your bell.

I remember clearly the rumble of thunder
And my two hands, like ice.
I called you. - He is home,
He'll soon come.

Let youth kill years
All unforgettable with them. -
I remember all separations
Coloured wallpaper.

And the beads of the lampshade,
And the noise of voices,
And these kinds of Port Arthur
And the sound of hours.

A moment, at long last -
like an hour. Steps at a distance.
The doors open a crack -
And you appeared.

And I was at once charmed.
You bowed, royally-simple. -
And there was the terrifying radiance
Two dark stars.

And they, huge, stared,
You did not know, gentle face,
What storm was raging in me -
Even for a moment.

I fought heroically.
- When we and you ate the soup! -
I remember your low voice
And the line of your lips.

И волосы, пушистей меха,
И - самое родное в Вас! -
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню - Вы уже забыли -
Вы - там сидели, я - вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут -

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
"Глаза породистой собаки,
- Прощайте, граф".

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели -
Колокола.

17 июня 1914

4.
Война, война!- Кажденья у киотов!
И стрёкот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На кажется-надтреснутом канате
Я - маленький плясун.
Я - тень от чьей-то тени.
Я - лунатик
Двух тёмных лун.

16 июля 1914

6.
Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.

And the hair, a fluffy fur,
And - most dear on you! -
The lovely wrinkles of laughter
around your long eyes.

I remember - you've already forgotten -
You - sat there, I - here.
What effort it took me,
How many minutes -

Sitting, blowing smoke rings,
And silently observing ...
It was just unbearable
To sit like that.

You remember our conversation
About weather and the letter "yat".
Such a strange dinner
Will never happen again.

I turned, in the dim light,
laughing, I had not expected:
"These eyes of a thorough-bred dog,
- Goodbye, nobleman."

Lost, completely without purpose,
I took a dark alley.
And, it seems, they no longer pealed -
The bells.

June 17, 1914

To Pyotr Efron, Sergey's brother, who was dying of tuberculosis

4.
War, war! - burn incense before the icons!
And the clatter of spurs.
But the Tsar's proclamations do not concern me,
Neither do the people's quarrels.

I seem on a fraiyed tightrope
I - a tiny dancer.
I - the shadow of someone's shadow.
I - a sleepwalker
Between two dark moons.

July 16, 1914

At the outbreak of World War I with her beloved Germany

6.
Falling leaves over your grave ,
And the smell of winter .

Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! - В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой - так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала -
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, - чую Вас всюду!
- Что ленты от Ваших венков! -
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
- Письмо в бесконечность. - Письмо
в беспредельность -
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
- Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы - точно портрет в альбоме, -
И мне не узнать, кто Вы.

.....
Здесь всё - говорят - случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Listen to the dead, listen, my dear :
You are still mine.

Laughing! - In the blessed road cloak!
Moon high.
My - so surely and so unalterably,
Like this hand.

Again with the bundle walk up early in the morning
To the hospital door.
You just went to warmer countries,
By the great sea.

I kiss you ! I conjure you !
Laugh at the darkness beyond the grave!
I do not believe in death! I'm waiting for you at the
station - Home.

Let the leaves were they fall , washed and swept
On the mourning ribbons words.
And if the whole world died with you,
I, too, would be dead .

I see , I feel - I sense you everywhere!
- that wreath on your head! -
I have not forgotten you, and will not forget you
Forever and ever!

Such promises I know are pointless,
I know vanity.
- A letter to infinity. - A letter
To eternity -
A letter into the void .

October 4, 1914

To Pyotr Efron after his death

I saw you three times,
But we cannot stay apart.
- After your first sentence
My heart burned through!

I feel you in this darkness,
Like the trembling of young leaves.
You - just a portrait in an album -
And I do not know who you are.

.....
If everything – as they say – happened by chance,
You can close the album ...
Oh, this marble brow! Oh, the mystery
Behind your huge forehead!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух - не смирен никем он.
Мы - души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

- "Так что ж это было?" - Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать - кто я.

Коктебель, 13 июля 1914

Look, I was true
Before the call to longing:
My golden mane
Did not know anyone's hands.

My spirit - has not humbled anyone.
We - souls of various castes.
My incorruptible demon
Will not let me love you.

- "So what was it?" - This
Judgement is passed to another judge,
There are many yet no answers,
And you do not know - who I am.

Koktebel, July 13, 1914
To Sophia Parnok

Подруга

1.
Вы счастливы? - Не скажете! Едва ли!
И лучше - пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной -
Красноречив!

Я Вас люблю. - Как грозовая туча
Над Вами - грех -
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни - разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобий,
Скажу прости,
За то, что Вас - хоть разорвись над гробом! -
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то - что - неужели
Мне снится сон? -
За эту ироническую прелесть,
Что Вы - не он.

16 октября 1914

2.
Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? - Чья победа? -
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? - Кто - добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

Poems to a Lady-Friend (selection)

To Sophia Parnok

1.
Are you happy? - Can you tell me? Hardly!
And better - so be it!
You have kissed too many, it seems,
Hence the sadness.

All the heroines of Shakespeare's tragedies
I see in you.
You, young tragic lady,
None is saved!

You are too tired to return my love
Recitative!
Cast iron rims your bloodless hand -
Eloquent!

I love you. - like a storm cloud
Above you lies - sin -
For that you are stinging and burning
And best of all,

For that we are, that our lives are - different
On this dark road
For your inspired temptations
And the dark rock,

Because you, my sharp demon ,
Let's just say
For what you are - even facing the grave! -
I cannot be saved!

This trembling, for - what - really
Am I longing in my dreams? -
For the ironic charm
that is yours - not his.

October 16, 1914

2.
Under your caresses' lush plaid ,
Yesterday's dream.
What was it? - Whose victory? -
Whose defeat?

Rethinking everything once more,
I am torturing myself again.
In fact, for which I know no word
Was it love?

Who was the hunter? - Who - the prey?
All seems devilishly reversed!
What did she know, that purring
Siberian cat?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце - Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки - что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3.
Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я - в тумане -
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабана
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный - этот вот, -
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4.
Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
- А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
- А каждый Ваш грядущий час

In that battle of wills
Who, in whose hands was the ball?
Whose heart - yours or mine,
Flew at a gallop?

And yet - what was it?
What do I want, why am I sorry?
I still do not know: oh, did I win?
Or was I conquered?

October 23, 1914

3.
Today I melted, today
I stood at the window.
Appearing sobered, chest freer,
For once peaceful.

I do not know why. Probably I was
Simply a tired soul
And somehow I could not touch
The rebel's pen.

So I stood there - in the mist -
Far from good and evil,
Quietly finger-drumming while
Ringing a glass.

My soul is not better or worse
What will be next - this here, -
What pearl puddles
Where scuddling across the sky,

A flying bird
And simply a running dog,
And a poor singer
I was not brought to tears.

Obliviously my dear artist
My soul assimilated that already.
What a great feeling
Today melted my soul.

October 24, 1914

4.
You wear it like laziness,
And were too lazy to get up from your chair.
- And every coming day
My joy would be happiness.

Embarrassing especially for you
Going on walks late in the cold night.
- And in every new hour

Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
- Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

7

Как весело сиял снежинками
Ваш - серый, мой - соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась - шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки - парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: "О, я ее хочу!"
С какою бережностью вставили
В подсвечник - желтую свечу...

- О, светская, с кольцом опаловым
Рука! - О, вся моя напасть! -
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!

Как в монастырскую гостиницу
- Гул колокольный и закат -
Блаженные, как **имянинницы**,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам - хорошеть до старости -
Клялась - и просыпала соль,
Как трижды мне - Вы были в ярости! -
Червонный выходил король.

My joy would make you young.

You did it without evil
Innocently and irreparably.
- I was your youth,
Which has passed.

October 25, 1914

7.

What fun in glistening snowflakes
Your - gray, my - sable fur,
Like on a Christmas market,
We looked brighter than anyone.

How pink and crunchy
I nibble waffles - six!
Like all red horses
I am greatly moved in your honor.

The red coat - like a sail,
I swear, they sold us rags,
Like to the grand ladies of Moscow
Stupid babies, the devils.

At the hour when people leave,
We reluctantly entered the cathedral,
Like the old Virgin
You stopped to look.

Her face with its sullen eyes
Looked blessed and exhausted
From an icon with round cupids
Elizabethan times.

Holding your hand in my left,
Saying: "Oh, I want it!"
With that solicitude inserted
In a candlestick - a yellow candle ...

- Oh, secular, with a ring of opal
Hand! - Oh, my daring! -
As I promised you an icon
Tonight by stealing!

How in the monastery's hostel
- The roar of bells at sunset -
Blessed as imyaninnitsy,
We carried on like a regiment of soldiers.

How do you - smarten up to old age -
Swore - and woke up salt
As three times to me - you were in a rage! -
Hearts went out the king.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

How you hugged my head
Caressing each curl
As the flower of your enamel brooch
Turned my lips cold.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

How I love your narrow fingers
stoking my flushed cheeks
How you tease me little boy
How I like this ...

Декабрь 1914

December 1914

8.
Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто - лета,
Кто - край ее, кто - век?

8.
Free neck raised,
Like a young shoot.
Who can tell me the name, who - summer
Who - the edge of it, someone - a century?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

Brains unattractive lips
Petulant and weak
But the dazzling ledge
Beethoven's forehead.

До умиленности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И - в серебре - опал.

Before touching clean
Melted oval.
Hand, rustling in silk,
And - the silver - opal.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

A hand worthy a bow,
Smoothing the silk,
Unique hand,
Beautiful hand.

10 января 1915

January 10, 1915

9
Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне - слишком вечная,
Чтоб была ты мне - первой встречною.

9.
You crossed my path,
And I did not touch your hand.
But the longing in me - too eternal
This was you to me - the first comer.

Сердце сразу сказала: "Милая!"
Все тебе - наугад - простила я,
Ничего не зная, - даже имени! -
О, люби меня, о, люби меня!

My heart immediately spoke: "My dearest!"
I forgave you - at random - everything,
I knew nothing - not even your name! -
Oh, love me, oh, love me!

Вижу я по губам - извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется - приступом!

I see, by the twisting of your lips
By their strong arrogance,
By the heavy protruding eyebrows:
This heart is taken - by storm!

Платье - шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Все в тебе мне до боли нравится, -
Даже то, что ты не красавица!

Dress - a black silk shell,
Her voice slightly hoarse from gypsy,
Everything about you pains me to like -
Even the fact that you are not beautiful!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок - стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный - с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, -
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, -
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Все, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

10.
Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose-21 и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я - в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы - в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом - без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, -
Но что-то сильнее меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутовом тоне:
"Знакомьтесь же, господа".

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, -
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,

Beauty, not suitable for summer!
You are no flower – you have a stem of steel
Maliciously evil, sharper than sharp
Carried away - from what island?

By your appearance you seem, insatiable -
In every vein in every bone,
In the form of every evil finger -
Tender woman, daring man-child.

I fend off all mocking verse,
I open myself to you and peace,
This is all, I have to offer you,
Stranger with the forehead of Beethoven!

January 14, 1915

10.
I do want to not remind myself of
That smell of White-Rose-21 and tea,
And Sevres figurines
Over the radiant fireplace ...

We were: I - in a magnificent dress
Of low-cut golden faille,
You – in a knitted black jacket
With a winged collar.

I remember how you entered
Your face - without any make-up,
How I stood, biting my fingers,
The head a little tilted.

And your forehead, power-hungry,
Under the weight of reddish hair
Not a woman and not a boy -
But something stronger than me!

Movement causeless
I got up, we were surrounded.
And someone in a joking tone:
"Glad to meet you, gentlemen."

And with a long arm movement
You searched for my hand,
And tenderly held my hand
After a while a splinter of ice.

Someone was watching askance
Already anticipating a clash -
I was reclining in a chair,
Twisting the ring on my hand.

You took out a cigarette,

И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

And I gave you a match,
Not knowing, what to do, if
You looked me in the face.

Я помню - над синей вазой -
Как звякнули наши рюмки.
"О, будьте моим Орестом!",
И я Вам дала цветок.

I remember - over a blue vase -
We clanged our glasses.
"Oh, be my Orestes!"
And I gave you a flower.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили - платок.

With summer lightning gray-eyed
From a black suede handbag
You took with a long gesture
And dropped - a handkerchief.

28 января 1915

January 28, 1915

11
Все глаза под солнцем - жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

11.
All eyes under the sun - are burning,
No day is like any other.
I tell you this, in case
I should betray you:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, -

Whose lips I might be kissing
At a lover's tryst,
At midnight's darkness to whom
I should frighteningly swear -

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Live like a mother tells her child
Like a flower blossom,
Never cast at someone
A sidelong glance ...

Видишь крестик кипарисный?
- Он тебе знаком -
Все проснется - только свистни
Под моим окном.

Do you see the cross of cypresses?
- It is known to you -
Everything will reawaken - should you whistle
Under my window.

22 февраля 1915

February 22, 1915

13.
Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

13.
I repeat on the eve of parting,
Towards the end of loving,
How I loved those
Possessive hands of yours

И глаза - кого-кого-то
Взглядом не дарят! -
Требующие отчета
За случайный взгляд.

And those eyes - upon whom
Did they not deign to rest! -
Demanding a reckoning
For every casual look.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью - видит Бог! -
Требующую расплаты
За случайный вздох.

All of you and your accursed
Passion - God knows! -
Requires reckoning
For the occasional sigh.

И еще скажу устало,
- Слушать не спеши! -
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
- Все равно - канун! -
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд - до взгляда - смел и светел,
Сердце - лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

14.
Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. - Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. - Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

Вознесение, 1915

15.
Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать - куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы - на палубе...
Вы - в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними - вороны...
- Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

16.
В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,

Again I say wearily,
- Don't hasten to listen! -
That your soul has come to a stand still
Across my soul

And I'll tell you:
- All the same - on that evening! -
Before this kiss of yours, this mouth
was young.

Appearance - look bold and bright,
Heart - five years old ...
Happy is he who has not met you
On his life's path.

April 28, 1915

14.
There are some who are like suffocating flowers
And their glances are like dancing flames ...
They have dark twisted mouths
With deep and wet corners.

There are women. - Their hair like helmets,
They are wrapped in a subtly fatal smell.
She is thirty years old. - Why do you want,
Why need my soul of a Spartan child?

Ascension Day 1915

15.
Before a mirror, where turbidity
And sleep entices me
To try to divine - where Your path leads
And where you'll come to rest.

I see: the mast of a ship,
And You - on deck ...
You - in a train's smoke ... Fields
In the evening lamentations...

Evening fields covered with dew,
Above them - crows ...
- I bless You in all
Four directions.

May 3, 1915

16.
Firstly, I love your
Superior beauty,
Curls with a touch of henna,
The plaintive call of flutes,

Звон - под конем - кремня,
Стройный прыжок с коня,
И - в самоцветных зернах -
Два челночка узорных.

А во второй - другой -
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,

Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...
- Что от меня останется
В сердце твоём, странница?

14 июля 1915

17.
Вспомните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... - Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

Не думаю, не жалуясь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радуется ни утро, ни трамвая
Звенящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я - маленький плясун.

A ring - on a horse - a flint
A shapely rider jumping from a horse,
And - on the semiprecious bauble -
Two people incised.

Secondly, - another -
Thin eyebrows arch,
Silk carpets
Pink Bukharas

Rings on every finger of your hand
Mole on the cheek,
Eternal suntan through blinding....
And the midnight London.

Thirdly, there was you
What else sweetheart ...
- What's left of me
In your heart, stranger?

July 14, 1915

17.
Vspomyanite: This head is dearer to me than
One hair on my head.
And now go ... - You too,
And You also, and You.

Cease loving me, cease to love me all of you!
Don't keep an eye on me in the morning!
So that I may safely leave
To stand in the wind.

May 6, 1915

I do not think, I'm not complaining, do not argue.
I do not sleep.
I long not for the sun, nor the moon, nor for the sea,
Nor for a ship.

I do not feel the heat in these walls,
How green the garden is.
I do not long for the desired gift
Do not wait.

Not the delights in the morning, nor the tram's
Ringing and running.
I live without seeing the day, forgetting
The date and the century.

I seem to walk on a frayed tight-rope
I - a little dancer.

Я - тень от чьей-то тени.
Я - лунатик
Двух темных лун

1914

Легкомыслие! - Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
и мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научив не хранить кольца,-
с кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
в жизни, где мы так мало можем...
- Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо прохожим!

3 марта 1915

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной -
Распущенной - и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью - всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня - не зная сами! -
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,-

I - a shadow of someone else's shadow.
I - a sleepwalker under
Two dark moons

July 13, 1914

After her separation from Sophia Parnok

Frivolity! - Darling sin
Dear companion and enemy, my beloved!
You're in my eyes vibrant of laughter
And dance vibrates in my veins.

Having been taught not to keep the ring -
To whose life could I not have got married!
Starting at random from the end,
And to finish before the beginning.

Be like a stem and be like steel
In this life where we have achieved so little ...
- Can chocolate cure sadness,
And laugh into the faces of passers-by!

March 3, 1915

After her separation from Sophia Parnok

I like that you're not mad about me,
I like that I'm not mad about you
That the heavy globe of the Earth will
Not drift away beneath our feet.
I like that I can laugh -
With relief - and not play with words,
And not blush in a suffocating wave
When our sleeves touch.

I like that still you're with me
That we can calmly hug one another;
I like that I will not end in the infernal fire
Burning, because I did not kiss you.
That you never used my tender name, not
Mentioned it, neither day nor night - in vain ...
That we'll never hear in the silence of a church
Them sing for us: Hallelujah!

Thank you with my heart and hand
For what you gave me - unknowingly! -
How you loved me: for my peaceful nights,
For the lack of looking at sunsets,
For our non-strolls in the moonlight,
For the sun, not being above our heads, -

За то, что вы больны - увы! - не мной,
За то, что я больна - увы! - не вами!

3 мая 1915

Заповедей не блюла,
не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить - как грешу -
как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами - всеми
пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущенья - жгучи!
Вы, сопреступники! - Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи,-
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

Я знаю правду! Все прежние правды - прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем - поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в
росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

1915

Два солнца стынют,- о Господи, пощади!-
Одно - на небе, другое - в моей груди.

Как эти солнца,- прощу ли себе сама?-
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынют - не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

1915

Therefore you never were sad - alas! - Not for me,
Therefore, I never was sad - alas! - Not for you!

May 3, 1915

I have never honored the commandments,
Nor did I go to confession.
See, until hymns are being sung over my ashes
I'll continue to sin - like I sin -
as I have sinned: with passion!
With all my God-given senses - all five!

Friends! Accomplices! You, whose instigations left
burns!
You, co-conspirators! - You, gentle teacher [*female*]!
Young men, maidens, trees, constellations, clouds, -
On Judgement Day we'll answer together, all Earth!

September 26, 1915

I know the truth! All old truths - vanish!
Why do people fight with people on this earth.
See: this evening, look: it's almost night.
Why - poets, lovers, generals?

Oh, the wind is calming, the earth is covered with
dew,
Oh, soon the stars will be frozen in a snowstorm,
And below on earth all will fall asleep, even those,
Who on earth are not allowed to sleep with a friend.

October 3, 1915

Two suns are cooling - oh, Lord, have mercy! -
One - in the sky, the other - in my chest.

How did this sun, - do you forgive yourself? -
How did this sun drive me mad!

Both cold - their rays do no longer hurt!
And one first gets cold, then hot.

October 5, 1915

After her separation from Sophia Parnok

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны

1915

A parting in Gypsy passion!
We just met - and you take flight!
I dropped my head into my hands
And think, staring into the night:

No one, leafing through our letters,
Will understand their depth,
How treacherous we were, that is -
How true to ourselves

October 1915

After her separation from Sophia Parnok

Полнолуние, и мех медвежий
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час!— Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг,
Я на дерево гляжу, — в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

A full moon, and a bearish fur,
And dancing bells in the distance ...
Frivolous hour! - For me also
An innermost hour.

I managed a headwind for me,
Snow appeased my view,
On the hillside a monastery bright
In the snow - holy.

Snowflakes on our sable covered breasts
Hold me close, friend,
I look at the tree, - in the field
And at the lunar cycle.

Because of our padded shoulders
Our two heads do not meet.
This starts me, Oh God - dreaming,
I envision - us.

November 27, 1915

After her separation from Sophia Parnok

В декабре на заре было счастье,
Длилось - миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось - час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз

Декабрь 1915

In December, the dawn of happiness,
It lasted - a moment.
This, the first happiness
Not from books!

In January, at dawn it was grief
It lasted - an hour.
This, the bitter grief
For the first time!

December 1915

О. Э. Мандельштаму

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
Откуда такая нежность?—
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая — о нежность!—
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

To Osip Mandelstam

From where such tenderness?
Not the first - those curls
I stroke, and his lips
I thought them darker .

The stars rose and faded,
From where this tenderness? -
Our eyes rose and faded
Under my very eyes.

No more hymns
I listened to in the dark night,
Betrothed - Oh, tenderness! -
At the breast of a minstrel.

From where such tenderness,
And what to do with it, adolescent,
Sly, wandering vagabond,
With eyelashes - that couldn't be longer?

February 18, 1916

When she met Mandelstam in Petrograd

О. Э. Мандельштаму

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Все стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим — отрок.

А задремлет — к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клетотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один — властелин скалы —
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв — спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

20 марта 1916

To Osip Mandelstam

A strange anxiety befell him,
And sweet fear overcame him.
He would stand and gaze heavenwards,
And would neither see the stars, nor the morning,
The youth with the farsighted eye.

Asleep - he saw eagles
Screaming and flocking around him,
This lead him to a wonderful explanation.
And one - the Lord of the Rocks -
Tousled his curls with his beak.

But with tightly closed eyes,
His lips parted - he was asleep.
And did not hear the night visitors
Nor see how it was sharpening its beak
The gold-spotted bird.

March 20, 1916

When Mandelstam visited her in Moscow

Стихи к Блоку

1.
Имя твое - птица в руке,
Имя твое - льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое - пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком шелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое, - ах, нельзя! -
Имя твое - поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое - поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим - сон глубок.

15 апреля 1916

5.
У меня в Москве - купола горят!
У меня в Москве - колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, -
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится - чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе - до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю -
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река - да с твоей рекой,
Но моя рука - да с твоей рукой
Не сойдутся. Радость моя, доколь
Не догонит заря - зари.

7 мая 1916

Poems to Blok (selections)

Written after her visit to Petrograd, where Blok avoided her.

1.
Your name - a bird in hand,
Your name - an icicle in the language.
One single motion of lips.
Your name - five letters.
A ball caught on the fly,
Silver jingles in your mouth.
A stone thrown into a quiet pond,
No sigh, like your name.
At night the light click of hooves
A loud rumbling your name.
And we call him our temple
The sound of the trigger.
Your name is - oh, impossible! -
Your name - a kiss on the eyes
IN this delicate, cold, motionless age .
Your name - a kiss in the snow.
The key, icy, blue swallow.
With the name of yours - sleep deep.

April 15, 1916

5.
In my Moscow - domes glow!
In my Moscow - bells chime!
And the tombs are aligned,
Where Tsarinas sleep, and Tsars.

And you do not know, that at dawn in the Kremlin
Breathing is easier - than on all earth!
And you do not know that at dawn in the Kremlin
I pray to you - at dawn!

And you walk along your Neva
About that time, like it were the river-Moscva
I stand with bowed head,
And (watch) the street lights blur.

In this sleeplessness I love you,
In this sleeplessness I heed you-
About that time, like around the Kremlin
When the bell ringers awake...

But my river - yes, with your river,
But my arm - yes, with your arm
Will not come together. My joy, unless
Dawn catches - dusk.

May 7, 1916

6.
Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите — как
Веки ввалились темные!
О поглядите — как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 марта 1916

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая - ох - кровь!

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят - вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было - как хочю

11 апреля, 1916

6.
They thought - just a man!
And forced him to die.
He is dead now. Forever.
- Weep for the dead angel!

Before the fall of night
He sang the beauty of the evening.
Three wax lights
Trembling, superstitiously.

They took away his radiance -
Hot strings on the snow.
Three wax candles -
For the sun holder! The light-giver!

Oh, look - how
His eyelids are sunken!
Oh, look - how
His wings have been broken!

The priest reads an invocation,
Trampling on the waiting people ...
- Dead lies the minstrel
And celebrates the resurrection.

March 9, 1916

Past night towers
Across squares we hurry.
Oh, how terrifying is this night,
The shouts of young soldiers!

The rattle of shots, the heart beats loudly!
A hot kiss, love!
Oh, the brutal shouts!
Provocative - oh - blood!

My mouth ungracefully,
Curses, despite its sweet - look.
How the golden case of
The Iverskaya glows.

You, mischief kills,
Yes light a candle,
That you don't end these days
Where - I wish you should.

April 11, 1916

After Mandelstam's visit to Moscow

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы -
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей

28 мая 1916

Above the city, Peter had abandoned,
Rolled the bells' thunder.

The waves are crashing
Over the woman you rejected.

Tsar Peter and you, O, the tsar should be praised!
But above you, tsars, bells.

As long as they ring from the blue -
Undisputed is the primacy of Moscow.

And forty times forty churches
Laugh at the arrogance of the tsar

May 28, 1916

After Mandelstam's visit to Moscow

Ахматовой

1.
О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! -
Сотысячное - тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя - огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами - то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
- Ахматова! - и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

To Akhmatova (selections)

Written after her visit to Petrograd.

1.
Oh, Muse of weeping, fairest of the Muses!
O you, chance progeny of a white night!
You send a black blizzard upon Russia,
And our screams pierce us like arrows.

And we jump and emit a dull: Oh! -
Hundredthousands - swear an oath to you: Anna
Akhmatova! This name - an immense sigh,
And it falls into the depth, which has no name.

We are crowned for we walk on the same earth
The ground and the sky above us -are the same!
And the one who mortally wounded by fate
Descends already immortal to his death bed.

In my melodious city the domes are ablaze,
And a blind beggar glorifies the radiant Saviour...
And I bestow on you the bells of my city
- Akhmatova! - And my heart in addition.

June 19, 1916

5.
Не отстать тебе! Я - острожник,
Ты - конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

5.
Let me not fall behind you! I am the - convict,
You're - the guard. Our fate is one.
And one is the empty void
On the road destined to us.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

25 июня 1916

12.
Руки даны мне — протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы , давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди,—
Это — кто знает?— не знаю,— быть может,
должно быть
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим,— ничьим,
В медленных жилах еще занывают стрелы,
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно золочесветлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик,— и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза

19 июля 1916

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково — невинно — неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Oh, and I have a calm disposition!
Oh, and my eyes are clear!
Let me go, take me, guard,
On a stroll to that pine tree!

June 25, 1916

12.
Two hands are. given to me – I extend both,
Do not hold only one, lips give names,
The eyes - do not see, high eyebrows above them
I gently marvel at love and - gently - dislike.

That bell of the Kremlin rings heavy,
Non-stop walking goes to the chest, -
This - who knows? - I don't know – perhaps, you
should-
Prevent me from staying on Russian soil!

July 2, 1916

After a sleepless night weakens the body,
It becomes dear but not one's own - no one's,
In slow veins rage arrows
And one smiles to people, like a seraphim.

A sleepless night weakens one's hands,
They become profoundly indifferent to enemy and
friend.
A rainbow in every random sound,
And the smell of frosty Florence suddenly appeals to
the senses.

Your lips shine gently, and golden is the shadow
Near your sunken eyes. That night lit
This serene face, - and from the dark night
Only one grows darker - our eyes

July 19, 1916

Written after Mandelstam's visit.

At night all rooms are black
The voice is dark. At night
All beauty of the earthly countries
Equally - the innocent – and the guilty.

And each talks to the other
At night, the beautiful and the thieves.

Мимо дома своего пойдешь —
И не тот уж дом твой по ночам!

И сосед твой — странно-непохож,
И за каждую спиною — нож,
И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!
Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

— Помолитесь, дорогие дети,—
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

Я - есмь. Ты - будешь. Между нами - бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться - тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. -- Бог мостов не строит.

Будь! -- это заповедь моя. Дай -- мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я -- есмь. Ты -- будешь. Через десять весен
Ты скажешь: -- есмь! -- а я скажу: -- когда-
тогда ...

4 июня 1918

Past his house I steal -
Not that it really looks like your house at night!

And your neighbor - strangely unlike,
And at each pass - a knife
And I hang around in impotent rage
Under the huge black trees.

Oh, narrow underground bed
At night, in the dark, at night!
Oh, I'm afraid that I will get up
And whisper, and kiss your lips...

- Pray, dear children, -
For me at the first hour and the third hour.

December 17, 1916

Bitterness! Bitterness! Eternal flavor
On your lips, o passion!
Bitterness! Bitterness! Perpetual art -
The final fall.

I'm part of bitterness - a whole
All, be they young and handsome.
You are part of bitterness - we both are
At night, your hand is leading.

With the bread, with the water I swallow
Bitter sorrow, bitter sadness.
There grows only one such grass
In your meadows, o Russia.

June 10, 1917

After Sergey's induction into the army

I - am. You - will be. Between us - a chasm.
I drink. You crave. - In vain we try to agree.
Ten years between us, a hundred millenia
Divide us. - God builds no bridges.

Be! - This is my precept. Give in, - let me
Pass, breathe without violating (my) growth.
I - am. You - will be. For ten springs
You say: - I am! - and I say: - when -
but once...

June 4, 1918

To Yury Zavadsky?

Глаза

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

Тебе - через сто лет
К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, -
Из самых недр, - как на смерть осужденный,
Своей рукой - пишу:

- Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
- Ртом не достать! - Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу - в ад, -
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке - почти что горстка пыли -
Мои стихи! - я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я - или
В котором я умру.

Eyes

Accustomed to steppes - eyes
Accustomed to tears - eyes,
Green - salty -
Peasant eyes!

Would I be a simple country woman
I would always pay for my lodging
All the same - laughing -
Green eyes.

Would I be a simple country woman
I would protect myself with my sun burnt hand
Swaying - I would be silent,
With down-turned eyes.

A trader walked by with his wares ...
Asleep under the monastic shawl
The humble - powerful -
Peasant eyes.

Accustomed to steppes - eyes
Accustomed to tears - eyes ...
their look - will not yield
Peasant eyes!

September 9, 1918

You - After a Hundred Years
To you, having been born
A century too late, a breath -
From the depths - convicted to die-,
His hand - writing:

- Friend! Do not look for me! Another fashion!
I do not remember even the elderly.
- By mouth you didn't get it! - Across Lethe's water
I put out two hands.

Like two fires, I see your eyes,
Burning at me from the grave - in hell -
I see that your hands do not move,
You died a hundred years ago.

In my hand - almost a handful of dust -
My poems! - I see: in the wind
You are looking for the house I was born in - or
In which I died.

На встречных женщин - тех, живых, счастливых,
Горжусь, как смотришь, и ловлю
слова:
- Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, -
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний - так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, - и навстречу
Тебе - через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
- Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! - Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, - корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? - Скажу! Небытие - условность.
Ты мне сейчас - страстнейший из
гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той - костей.

Август 1919 - 1940

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем вас признав на веру,—
Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без вас мне не был пуст!

The women at the counter – those are alive, happy,
I am proud how you eye them, and catch their
words:
- A gathering of imposters! All of you are dead!
She alone is alive!

I served her ministry voluntarily!
All the secrets she knew, her collection of rings!
Grave robbers! These rings
They were stolen!

Oh, a hundred of my rings! I worked hard,
Sorry for the first time,
Later they were at random bestowed on me, -
You did not wait!

And it is sad for me, that on this evening,
Today - I had so long followed
The setting sun - and I meet
You – after a hundred years.

I bet that you'll dump your curse
My friends in the darkness of their graves:
- All give praise! Rose-pink dresses
Nobody was given presents!

Who was disinterested? - No, I'm selfish!
If you cannot kill, - nothing to hide
What have I got for all my begging letters,
One goodnight kiss.

Should I tell you? - I'll say! A nonentity – convention.
To me you are now - a passionate horror among the
guests,
And find yourself a pearl of a mistress
In the name of your - bones.

August 1919 - 1940
To Yury Zavadsky?

And neither save stanzas, nor constellations.
This is called - retribution
Because every time

I stubbornly straighten a line,
I looked at his high forehead
Stars only, and no eyes.

As you are the acknowledged autocrat on faith -
Oh, not a single moment, of beautiful Eros,
Without you I was not empty!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

At night, in solemn mists,
I looked at your delicate rosy lips -
Rhymes only, and no mouth.

Retribution judges. for what's worst
He was - like snow, on my left breast
Eternal apotheosis!

Eye to eye in the young morning
I looked at his high forehead
Zor all the time, no rose!

May 20, 1920
To Yury Zavadsky?

Кто создан из камня, кто создан из глины,-
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело - измена, мне имя - Марина,
Я - бrenная пена морская.

One he created from stone, another from clay, -
But I am made from silver and radiance!
Betrayal is my trade, my name - Marina,
I am the perishable foam of the sea.

Кто создан из глины, кто создан из плоти -
Тем гроб и надгробные плиты...
- В купели морской крещена - и в полете
Своем - непрестанно разбита!

One he created from clay, the other from flesh
For those are coffins and tombstones ...
- Baptized in the font of the sea - I am in
flight - unceasingly breaking!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня - видишь кудри беспутные эти?-
Земною не сделаешь солью.

No heart, nor any nets
Will catch my obstinate mind.
Never will I - see those wild curls? -
Be the salt of the earth.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной - воскресаю!
Да здравствует пена - веселая пена -
Высокая пена морская!

Pounding on your granite knee
With each wave I will resurrect!
Long live the foam -the cheerful foam -
The high foam on the sea!

23 Мауа, 1920

May 23, 1920

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь —
рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпрастаю руки, стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен,
Смерть, выбью!— Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

И если все ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя
увести,—
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

28 ноября 1920

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух - не решить по
заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел
потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! - Неба
дочь!
С полным передником роз! - Ни ростка не
наруша!
Знаю, умру на заре! - Я стребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведа нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари - и ответной улыбки
прорез ...
- Я и в предсмертной икоте останусь
поэтом!

Декабрь 1920

Love! Love! Even in convulsions, in my grave
I'll be watchful - charmed - confused -
torn.
O my dear! Not in a deadly snowdrift,
Not in the clouds will we part without forgiving.

And not on my pair of beautiful wings
Is my heart willing, to carry your weight.
The swaddled, eyeless and voiceless
I will not multiply their miserable fortunes.

No, I'll free my hands, and then my strong body
With a single sweep of your sheets,
Death, with a single blow! - For a thousand miles
The snow will melt and the forest of bedrooms burn.

And even if - restraining my shoulder, wing, knee,
Gritting my teeth - I'll let you take me to the
graveyard,-
I'll be laughing over the ashes,
And rise again as a poem or a bunch of roses!

November 28, 1920

I know, I'll die at twilight! On which of the two,
Which one of the two - cannot be decided by my
wish!
Ah, if it were possible, to extinguish my torch
twice!
So that I could depart at sunset and in the morning!

Heaven's daughter! Who danced on this earthy
ground! -
With an skirt full of roses! - without breaking
one!
I know, I'll die at twilight! - Not in the hawkish night
God will not send me my swan-soul!

Gently I reject the hand offering a cross, unknissed
To rush into a generous heaven with a last
greeting.
At the first of dawn - I answer with a cracked smile...
- To my death's last rattle I'll remain a
poet!

December 1920

Благая весть

Жив и здоров!
Громче громов -
Как топором -
Радость!

...
Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен -
Вырвут?

...
Стало быть, жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут -
Слышишь?

...
Мертв - и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове, -
Нет, по эфес
Шпагою в грудь -
Радость!

16 июля 1921

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
- Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи
Любовь. - Не прогневайся на просторечье
Речей, - не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!
То - выкорчеванный от дружб и приятней
Дух. - В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!

23 января 1922

Good News

Alive and well!
Louder than thunder -
Like an ax -
Joy!

...
Stunned,
Awed.
What instead -
Cry?

...
So, am I alive?
My eyelids closed,
Breathing, I call -
Do you hear?

...
Dead - and risen?!
Just enough for a sigh,
A stone from the sky,
A crowbar

.
On the head -
No, up to the hilt
A sword in the breast -
Joy!

July 16, 1921

To Seryozha after Ehrenburg found him in
Constantinople

I have not gown prettier in the years of separation!
Will you not be angry at my rough hands,
They worked with bread and salt?
- Callused from common labor!

Oh, no prettying up for the meeting
Love. - Do not be shocked by my common
Speech - no advisor, neglected:
It chronicles my shot-gun language.

Disappointed? Pretend, no fear!
That - uprooted from friends and affectionate
Spirit. - In the confusion of anchors and hopes
Irreparably broken was my insight!

January 23, 1922

Doubts before leaving for Berlin to meet Seryozha
after 4 years

Балкон

Ах, с откровенного отвеса -
Вниз - чтобы в прах и в смоль!
Слезой солить – доколь?
Земной любви недвесок

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком -
Чту: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: - Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взрыв - выдышаться в смерть!

30 июня 1922

Берлину

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вдрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалося — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

Провода

*“Wenn des Herzens Woge schäumte nicht
schon so hoch, und wurde Geist
wenn nicht der alte stumme Fels,
das Schicksal, ihr entgegenstände...”
Rainer Maria Rilke*

1
Вереницею певчих свай,

Balcony

Ach, to crash in a sheer fall -
Down - into dust on the asphalt!
The short length of earthly love
Bathed in tears- for how long?

Balcony. With their salty downpour
Come malicious kisses.
And inescapable hatred
A sigh: To expire in verses!

Squeezed into a ball in one's hand -
What: heart or handkerchief
Batiste? To such ablutions
There is a name: - Jordan.

Because this battle of love is
Merciless and savage.
To soar up from granite brows-
Is to expire in death!

June 30, 1922

On the balcony of their hotel apartment in Berlin

Berlin

The rain soothes the pain.
By the showers' noise on the shutters
I sleep. Tremulous clatter on the asphalt of
Hooves - like applause.

Welcome - and I merge
In abandon with this golden
Most magical of orphanhoods
Take pity, you barracks!

July 10, 1922

Wires (selection)

Written for Boris Pasternak, Prague

*“If the heart's wave splashed not
Already so high, and became spirit,
If not the old dumb rock,
Fate, stood against her...”
Rainer Maria Rilke*

1.
By the chain of singing poles,

Подпирающих Эмпирей,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольного. По аллее
Вздохов - проволокой к столбу -
Телеграфное: лю - ю - блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это - сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...
Вдоль свай
Телеграфное: про - о - щай...

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про - о - стите...
Это - снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:
Выше, выше - и сли - лись
В Ариаднино: ве - ер - нись,
Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: нй выйду!

Это - прудами стальных
Проводов - голоса Аида
Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа-аль...
Пожалейте! (В сем хоре - сей
Различаешь?)

В предсмертном крике
Упирающихся страстей -
Дуновение Эвридики:
Через насыпи - и - рвы
Эвридикино: у - у - вы,
Не у -

17 марта 1923

2
Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце - шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

"Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах -
змеи"...
Но был один - у Федры - Ипполит!
Плач Ариадны - об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших!

Supporting the Empyrean,
I am sending you my portion of
Earthly ashes. Along an allée of
Sighs - along wires on poles -
By telegraph: I-lov-lov-love you...

I implore you ... (a printed letter
would not do! A cable would be easier!)
On these poles, Atlas
Would have shortened the races
of the celestials...
Along those poles
By telegraph: g-oo-oodbye ...

Do you hear? The last frustration from
My hoarse throat: for-gi-ive...
This - departure by sea,
Across the silent Atlantic fields:
Higher, higher - messages lost
in Ariadne's web: co-come-back
Turn around! .. Plaintive cries
Melancholically: I won't leave!

These wires of steel
guide the voice from Hell
Receding... into the distance
Imploring: com-passion ...
Compassion! (Among this chorus - can you
Distinguish such noise?)

With that death cry
Releasing my passions -
Floats the sigh of Eurydice:
Across wall - and - moat
Eurydice: y-you
Alas no y -

March 17, 1923

2.
To give you all... but no, it has all been squeezed
into rhyme and rows ... The heart is more!
I am afraid that for such small misfortune
The whole of Racine and Shakespeare is not enough!

"And all wept, and supposing the blood hurts ...
And all wept, and suppose among the roses - A
snake" ...
But there was one - by Phaedra - Hippolyte!
Ariadne's Lament - for one Theseus!

Torment! Neither shores nor milestones!
Yes, I affirm, the account is overdrawn
That I lose them all in you, all those who
Anywhere or anytime, did not exist!

Какая чайная - когда насквозь
Тобой пропитанный - весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне - собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей -
Стиксом!

Тщета! во мне она! Везде! Закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты - Разрыв,
Не Ариадна я и не...- Утрата!

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого - незрячей!)
Я проводы вверяю проводбм,
И в телеграфный столб упершись - плачу.

18 марта 1923

8
Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют -

Буду ждать тебя (пальцы в жгут -
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю - взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
- Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной -
Да мой.

27 марта 1923

Эвридика - Орфей

Для тех, отживших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

What aspirations - when you are thoroughly
Saturated - the air becomes stale
No Naxos for me - own bone
No own blood under the skin -
Styx!

Vanity! Is within me! Everywhere! Whith closed
Eyes: bottomless! Without daylight! And the
Calendar date lies...
Like you - Severance,
I am not Ariadne and no...- Loss!

Oh, across what seas, in what towns
Should I seek you? (invisible to me - the sightless!)
I entrust seeing you off to wires,
And, leaning against a telegraph pole - I weep.

March 18, 1923

8.
Patiently, as one splits gravel,
Patiently, as one awaits death
Patiently, as news mature,
Patiently, as one cherishes revenge -

I will wait for you (with fingers clenched -
As a monarch waits for the hostage)
Patiently, as one awaits rhymes
Patiently, as one bites one's hands.

I will wait for you (looking at the ground -
Teeth to lips. Locked. Stone).
Patiently, as one prolongs bliss,
Patiently, as one strings beads.

The squeaking of runners, creaking
Doors: the roar of the Taiga winds.
An imperial decree arrived: -
The Tsar has changed, and the Lord is coming.

And let me go home:
To the beyond -
It's yet mine.

March 27, 1923

Euridice - Orpheus

Those condemned to their last rags
Cover (not their mouth, not their cheeks! ..)
Oh, are you not exceeding your powers
Orpheus, while descending into Hades?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь
лицезренья -
Внутрь зрящим - свидание нож.

Уплочено же - всеми розами крови
За этот просторный покроем Бессмертья...
До самых летеиских верховий
Любивший - мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем - призрак ты, сущий, а явь -
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
- "Ты это забудь и оставь!"

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! - С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же - вспомни мои крики! -
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923
Прага

Клинок

Между нами - клинок двуострый
Присягнувши - и в мыслях класть...
Но бывают - страстные сестры!
Но бывает - братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок - рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

Those giving up their last connection to
Earth ... On a bed of lies
I have committed a great dishonesty in contemplating
-
A deep sigh - an interview with a knife.

I have paid all the same - for all this rose blood
is a spacious style to cover Immortality...
It's all the same in Lethe's mind
Beloved - I need a break

Forgetfulness ... For in the ghostly house appeared
Actually - your ghost, plain and real -
I, was dead ... What should I tell you, except:
- "That you didn't notice and left!"

There is no alarm! No cause!
No hands after all! No mouth, clinging to
Lips! - Immortality, the sting of a snake
Ends female passion.

I have paid all the same - in vain my cries! -
For this last insight.
No need for Orpheus to follow Eurydice
And brothers to frighten sisters.

March 23, 1923
To Boris Pasternak during her affair with
Rodzevich, Prague

Blade

Between us a double-edged knife
I swore - in my thoughts to put it there...
But sometimes there are - passionate sisters!
But sometimes there is brotherly passion!

But this is like a touch of
The prairie in the wind, an abyss on the lips
A blow ... Sword, protect us two
Against our immortal soul!

Sword, torment us and, sword pierce us
Sword, execute us, but sword, know,
That the extreme
Truth is, the roof is like an edge ...

A double-edged blade - separates?
It joins! So tear away the cloak
And bring us together, ferocious guard -
Wound into wound and gristle to gristle!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний - в себя вдвинем.
Это будет - лучшее лечь!

Это будет - братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

(Listen, if a star is falling ...
Not by the will of a child in a castle
And drops into the sea... Islands exist ,
There are islands for any kind of love ...)

The double-edged blade, that was tempered blue
will turn red ... A double-edged
Sword – we shall plunge into each other.
This will be the best way to lie down!

This will be - a fraternal wound!
Thus, under the stars, and nothing
Innocent ... Just the two of us
Brother, with a fused sword!

August 18, 1923

During her "affair" with Konstantin Rodzevich in
Prague

Поэма конца

10.

...Не допомним, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
— Наша улица! — Уже не наша... —
— Сколько раз по ней... — Уже не мы... —

— Завтра с западу встанет солнце!
— С Иего́вой порвет Давид!
— Что мы делаем? — Расстаемся.
— Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас — стаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кроа́тски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас—ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание — не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Чтó мы — овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание — по-каковски,
Даже смысла такого нет?

Даже звука! Ну, просто полый
Шум — пилы, например, сквозь сон.
Расставание — просто школы
Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый...
- Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться — ведь это гром

На́ голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы — слишком круты:
Расставаться — ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться — ведь это
врозь,

Poem of the End (selection)

10.

...Not remembering, not comprehending,
Just a lesser holiday on...
- Our street! - no longer ours ... -
- How many times we walked it - no longer will we...

- Tomorrow the sun will rise in the west!
- Jehova will break with David!
- What are we doing? - separating.
- That word says nothing to me.

The most senselessly inhuman word:
Se-pa-ra-ting. - Am I one of a hundred?
Just a word of four syllables,
Beyond which lies emptiness.

Wait! Is it true In Serbian and Croatian?
It means cheating in the Czech Republic.
Se-paration! To separate ...
Is insane nonsense!

The sound bursts deaf ears,
Beyond the edge of despair ...
Separation - does not exist in Russian!
Not in the vocabulary of women! Nor men!

Not in the language of God! What are we - sheep?
To stare at us while eating?
Separation - In what language is that,
If the meaning doesn't exist?

Even the sound! Well, just empty like the
Noise of a saw, in a dream perhaps.
Separation - in the school of
Klebnikov's must be a nightingale's moan

Swan-like...
- But what happened?
Like a lake of water drying into the
Air! I feel your hand's touch.
To separate - a strike of thunder

on the head ... the ocean rushing into the cabin!
The ocean's ultimate promontory!
These streets are steep:
To separate - means to go down,

Downhill ... Two heavy soles
A sigh... at last the hand gets nailed!
A discussion that turns everything upside down:
To separate - means to be turned into separate
people:

Мы же — сросшиися...

Прага, 1 февраля — Иловищи, 8 июня 1924

Свиданье

СвиданьеВ мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномощен.

В мире, где всё -
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты – равносущ

Мне.

3 июля 1924

Попытка Ревности

Как живется вам с другою,-
Проще ведь?- Удар весла!-
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу - не по водам)!
Души, души!- быть вам сестрами,
Не любовницами - вам!

Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оног сошед),

Как живется вам - хлопочется -
Ежится? Встается - как ?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

We - are One ...

Prague, 1 February - Ilovischi, June 8, 1924
Written when Sergey demanded a divorce

Meeting of the Minds

In a world where everyone
Stoops and [produces] suds
I know – only one
Equal in strength to me.

In a world where we
Seek so much,
I know – only one
Equal to me in might.

In a world where everything is -
Mold and vines
I know: only one
You – equal in depth of meaning

To me.

July 3, 1924
For Pasternak, Prague

Attempt at Jealousy

How can you live with another woman -
Simpler? - Pull at the oar! -
Head for the coast line
Soon your memory will have departed

of me, the floating island
(In the sky - not in the sea)!
Souls, Souls! - You'll be sisters,
Not lovers - you!

How can you live with a simple
Woman? Who lacks god's gifts?
The queen of the altar
Is overthrown (by the groom above)

How can you live - fussing -
Shivers? Getting up - how?
In those deadly trivialities
How do you cope, poor man?

"Судорог да перебоев -
Хватит! Дом себе найму".
Как живется вам с любовью -
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее -
Снедь? Приестся - не пеняй...
Как живется вам с подобием -
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром - любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам - здоровится -
Можется? Поется - как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк - крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог - и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной -
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин -
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

Б. Пастернаку

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,

"Hysteria and convulsions I am through -
Enough! Home, I am self employed".
How can you live with any ordinary lover -
My chosen one!

Suitable and edible -
Food? Fed up - no one to blame ...
How can you live with someone -
Who trampled underfoot [the laws of] Sinai!

How can you live with someone,
Here? Is this - love?
Shame, does Zeus with his reins
Not whip your forehead?

How are you living - healthy -
How is it? Singing poetry - how?
With a poisoned immortal conscience
How do you cope, poor man?

How can you live with commodities
That are salable? Price - terrible?
After Carrara marble
How can you live with cheap plunder

Plaster of Paris? (carved from blocks
God - and smashed to bits!)
How can you live with one of the hundred thousands
You, do remember Lilith!

Novelties for sale
Do they suit you? Watered down magic,
How do you live with a mortal
Woman, who lacks a Sixth

Sense? ...
Ha, how is your head: happy?
No? In a pit of no depth -
How are you, dear? It all depends,
The same as I with another man?

November 19, 1924
To Pasternak? Prague

To B. Pasternak

Dis-stances: versts, miles...
They have dis-jointed us, dis-mantled,
So that we would be quiet,
At the world's farthest ends.

Dis-stances: versts, spaces. . .
We, unstuck, unsoldered

В две руки развели, распяв,
И не знали, что это - сплав

With two arms spread, crucified,
They did not know, how that fuses

Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили - рассорили,
Расслоили...Стена да ров.
Расселили нас как орлов-

Inspirations and sinews...
No discord—dispersed,
Divided...by wall and moat.
They displaced us like eagles—

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили - растеряли.
По труппам земных широт
Рассовали нас как сирот.

Conspirators: miles, expanses. . .
Not deranged—lost.
Into the slums on this vast earth
They disarranged us like orphans.

Который уж, ну который - март?!
Разбили нас - как колоду карт!

Which, oh, well when – March?!
They shuffled us - like a deck of cards!

24 марта 1925

24 March 1925
For Pasternak, from Paris

Long Poems (Поэма) 1923-1939:

These difficult late poems gain little from a literal translation.
Their rhythm is all important, their darkness nearly unresolvable.
I have therefore refrained from translating them; they exceed my limited space and abilities.
Use Google Translate to “read” the originals quoted below.

Trees - “Деревья” March 1923, [Prague](#)

Poem of the Mountain - “Поэма Горы” February 1924, [Prague](#)

Poem of the End, - “Поэма конца” June 1924, [Prague](#)

The Ratcatcher - “Крысолов” November 1925, [Prague and Paris](#)

From the Sea - “С моря” May 1926, [Paris](#)

Attempts at a Room - “Попытка комнаты” June 1926, [Paris](#)

Staircase - “Поэма лестницы” July 1926, [Paris](#)

Poem of the Air - “Поэма Воздуха” Meudon 1927, [Paris](#)

Poems to an Orphan - “Стихи о сироте” September 1936, [Paris](#)

Poems to the Czechs, - “Стихи к Чехии”, September 1938 and March 1939, [Paris](#)

Стихи к сыну

2.
Наша совесть - не ваша совесть!
Полно! - Вольно! - О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота -
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом -

Градом. С братом своим не дравшись -
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,
Наш грех, наш крест, наш спор, наш -

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь -
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам - и видом
Не видали! Поймите: слеп -
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, - как скоро
Из Медона - да на Кубань.
Наша ссора - не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

Тоска по родине!

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ошестиниваться пленным

Poems to a Son (selection)

2.
Our conscience – Is not your conscience!
Enough! - Be free! - Forget all,
Children, to write your own tale
Of your own days and passions .

Here lies the salt of Lot -
In your family album!
Children! You have to settle yourselves
the many claims of Sodom's -

Destruction. You didn't fight your brother's
Cause, my curly headed boy!
This is your land, your age, your day , your time,
Our sin, our cross, our quarrels

Rage. Orphans' in napkins
Dressed in rags -
Drop them and awake
In an Eden , where you

Have never been! To fruits - and a view
You have never seen! Understand they are blind -
Who lead you to this funeral
Of a nation who eats bread

And you will be given- as soon as
You leave Medon - for the Kuban.
Our quarrels - not your quarrels!
Children! Prepare yourselves for the troubles

Of your own days.

January 1932

For her seven-year old son Murg, Paris

Homesick for the Motherland!

Homesick for the Motherland! Long
Unmasked confusion !
I do not care -
Where I am completely lonely

Or over what stones I wander home
With a shopping bag
To a house, that is no longer mine
Like to a hospital or barracks .

I do not care that I am among
Bristling people – a captive

Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетия — он,
А я — до всякого столетия!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщёт!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

3 мая 1934

Никому не отмстила и не отмщу --
Одному не простила и не прощу
С дня как очи раскрыла -- по гроб дубов
Ничего не спустила -- и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
-- Но достоин ли человек?...
-- Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
Одному не простила: всем.

26 января 1935

Lion, or what human society
Will cast me out – as it must -

Into myself, my individual feelings.
A Kamchatka bear without ice
Where I do not fit (and no goodbye!)
Where they grovel - I am one.

I will not be seduced by the language,
The mother tongue's milky call.
I do not care - in what language
I am humiliated!

(Or by what readers , newspaper
Swallowers, searching for gossip ...)
They belong to the twentieth century -
I am - before all time!

Stunned, like a log,
Left over from an alley of trees.
People are all the same to me,
And I could be just equal to -

A former native - only.
All my tokens, all meanings,
All dates - are gone:
My soul, born - somewhere .

For my country has taken so little care of me,
That even my keenest eye
Along with all my soul, all – have been alienated!
That even my birthmark *cannot* be discerned!

Every house is alien to me , every church is empty,
Everything and all - is the same.
But if along the road – a bush
Rises, especially – a rowanberry...

May 3, 1934

Written during the interminable family arguments
about returning to the USSR, Paris

I never took revenge and never will avenge myself -
One is not forgiven nor forgives
From the day I opened my eyes - till the coffin of oak
I will not lower myself - and God knows
Not overlook the great decline of this century ...
- But if a man is worthy? ...
- No. I never fight in vain: not with anyone.
One is not forgiven: anything.

January 26, 1935 Paris

Стихи о сироте

7.
В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову – мою.

5-6 сентября, 1936

Двух - жарче меха! рук - жарче пуха!
Круг - вокруг головы.
Но и под мехом - неги, под пухом
Гаги - дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
- В гнезд, в звезд черноте -
Как ни кружи вас, как ни баюкай
- Ах!- бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (бедные мы!).
Не родился еще, кто вложит
Перст - в рану Фомы.

7 января 1940

Ушел - не ем:
Пуст - хлеба вкус.
Всё - мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

- Годы твои – гора,

Poems to an Orphan (selection)

7.
Thinking of something else, undiscovered,
like a buried treasure, I absentmindedly
One by one, poppy by poppy
I beheaded my whole garden.

So, someday, in the dry
Summer, on the edge of a field,
Death's absent-minded hand
Will pluck off a head – mine.

September 5-6, 1936, Paris

Between two – a hot fur! A Hand - hot fluff!
Circling - around the head.
But under the fur - bliss, under the fluff
Gaga - you tremble!

Even the goddess of the thousands
- In the nests of dark stars -
No matter how you rotate, how gently
- Ach! - It will awaken...

You on a bed of disbelief eating
Worms (poor us!).
Not born yet, who will insert a
Finger – into the wound of Thomas.

January 7, 1940

After her return to Moscow in 1939

He is gone - I cannot eat:
The taste - of stale bread.
All - chalk.
Anything I am drawn to.

... I am the bread that was
And the snow that was.
And the snow was not white
And the bread was unloved.

January 23, 1940

After Alya's and Sergey's arrest in Moscow

- Your years – Mountain,

Время твое - царей.
Дура! любить - стара.
- Други! любовь - старей:

Чудищ, старей корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

"Я стол накрыл на шестерых..."

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
- "Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл - седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах - дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть - седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально - им, печален - сам,
Непозванная - всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
- Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий -
Ты сам - с женой, отец и мать)
Есть семеро - раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых -
Быть призраком хочу - с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О - ни души не задевая!-
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Your time - Tsars.
Fool! love - Old.
- Others! In love - Old:

Monsters, old roots,
Stone altars
Old Cretans, old
Aging warriors ...

January 29, 1940
Moscow

To A. Tarkovsky

*"I laid the table for six ..." **

All repeat the first line
And all the well-worn refrain:
- "I laid the table for six" ...
You have forgotten one - the seventh.

Six of us excited.
Their faces - sparkling ...
How could you for such a table
Forget seven - the seventh ...

Enjoy your guests,
Idle is the crystal decanter.
Sadly - they are disappointed - much,
No one in particular - all are sad.

No cheer and no glow,
Ach! They don't eat and drink.
- How could you forget their number?
How could you make a mistake in the order?

How could, how dare you not to believe,
That there were six (two brothers, a third -
Yourself - with your wife, father and mother)
There are seven of them - I too am on earth!

You laid a table for six,
But the sixth is not dead.
A scarecrow among the living -
I want to be a ghost - with you

(Them) ...
Shy as a thief,
O - no soul, no touching! -
As the undelivered object
I sit down uninvited, the seventh.

Раз!- опрокинула стакан!
И всё. что жаждало пролиться,-
Вся соль из глаз, вся кровь из ран -
Со скатерти - на половицы.

И - гроба нет! Разлуки - нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть - на свадебный обед,
Я - жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат. не сын, не муж,
Не друг - и всё же укоряю:
- Ты, стол накрывший на шесть - душ,
Меня не посадивший - с краю.

* Первая строка стихотворения А.Тарковского

6 марта 1941

Next! -A knocked over glass!
And all. What wanted to spill -
All the salt from my eyes, all the blood from my
wounds - On the table cloth - on the boards.

And - no coffin! Disppear - no!
A disenchantd table, the house awakened.
Like death - at a wedding dinner
I am - alive, and came to dinner.

... No one: not a brother. Not a son, no husband,
Not anybody - and still the same reproach:
- You, the table is laid for six - an embarrassment,
I stand rooted - at its edge.

* First line from a poem by A. Tarkovsky

March 6, 1941

Her last poem, written after she accidentally met
Tarkovsky in a prison line in Moscow

I appreciate corrections and *constructive* criticism.
Mail: rolf357@gmail.com
Pacific Palisades, June 2010

On Translating Marina Tsvetaeva The Method

Elaine Feinstein employed eight collaborators to produce a first, literal translation of Tsvetaeva's poems. Some of them excellent translators of Russian lyrics in their own rights. Using these transliterations she then cast the poems into the fluent style of her anthology. I could not rely on such a cast of collaborators, none of my Russian friends wanted to have anything to do with it. Unfortunately my command of poetic Russian is not as good as Feinstein's.

Instead I used the help of available internet resources, foremost among them Google Translate. All poems were obtained from a Russian internet site, which I translated into English with the translate feature on the Google browser tool bar. This gave me a first

rough translation.

Google is using a vast computer-stored collection of whole *phrases*, not a regular Russian-English word dictionary. The result is that smooth texts turn out relatively coherent – but the method does not necessarily catch Tsvetaeva's poetic style: The rough translation needs a line-by-line, word-by-word editing. Fortunately Google also provides a word-by-word dictionary function which is very helpful at this stage. Provided the Russian original is available as an *internet page*, one can search the text with the mouse for the meaning(s) of every single word and find better expressions, - if the Russian word exists in a modern dictionary, which is often not the case, because of Tsvetaeva's use of archaic expressions and free-lance words in her poems.

The following table shows the poem to Pasternak as an example of this process.

To put this into perspective, I add three professional translations from the literature – and leave the judgment to the reader.

Russian Original	Rough Google Machine Translation	My edited Version
Рас-стояние: версты, мили... Нас рас-ставили, рас-садили, Чтобы тихо себя вели По двум разным концам земли.	The distance: miles, miles ... We have distribution set, races, they planted, To quietly behaved According to two different ends of the earth.	Dis-stance: versts, miles... They have dis-jointed us, dis- mantled, So that we would be quiet, At the world's farthest ends.
Рас-стояние: версты, дали... Нас расклеили, распаяли, В две руки развели, распяв, И не знали, что это - сплав	The distance: miles, gave ... We pasted up, unsoldered, In the two hands apart, crucified, And do not know what it is - an alloy	Dis-stance: versts, spaces. . . We, unstuck, unsoldered With two arms spread, crucified, They did not know, how that fuses
Вдохновений и сухожилий... Не рассорили - распаяли, Расслоили...Стена да ров. Расселили нас как орлов-	Inspirations and tendons ... Quarreled - fell out Divide the walls and moat. Displaced us like eagles,	Inspirations and sinews... No discord—dispersed, Divided....by wall and moat. They displaced us like eagles—
Заговорщиков: версты, дали... Не расстроили - растеряли. По трещинам земных широт Рассовали нас как сирот.	Conspirators: versts, ... Do not mess up – lost. In the slums of terrestrial latitude Disarranged us like orphans.	Conspirators: miles, expanses... Not deranged—lost. Into the slums on this vast earth They disarranged us like orphans.
Который уж, ну который-март?! Разбили нас - как колоду карт!	Who oh, how many – March? They pitched us - like a deck of cards	Which, oh, well when – March?! They shuffled us - like a deck of cards!
24 марта 1925	March 24, 1925	24 March 1925

Distance: versts, miles . . .
divide us; they've dispersed us,
to make us behave quietly
at our different ends of the earth.

Distance: how many miles of it
lie between us now - disconnected
-
crucified - then dissected.
And they don't know - it unites us.

Our spirits and sinews fuse,
there's no discord between us.
though our separated pieces
lie outside
the moat - for eagles!

This conspiracy of miles
has not yet disconcerted us,
however much they've pushed us,
like
orphans into backwaters.

- What then? Well. Now it's March!
And we're scattered like some pack
of cards!

1925
[Elaine Feinstein](#)

Dis-stance: versts, miles...
They've dis-joined us, dis-mantled
us,
So that we would be quiet,
At the world's farthest ends.

Dis-stance: versts, reaches...
They've disbanded, disrupted us,
Disunited and dissolved us,
Not knowing that we are an alloy

Of inspirations and sinews...
They haven't dispirited us, but
they've dispersed us,
Dissected...
Wall and moat.
Displaced us, like eagles-

Conspirators: versts, reaches...
Not dismayed, but displanted.
Across the slums of the earth's
latitudes
They disarranged us like orphans.

How many is it - oh, how many -
March?!
Since they disordered us like a
deck of cards!

24 March 1925
[northwestern.edu](#)

Dis-tances: miles, versts...
They dis-pelled us until we dis-
persed,
So we would act as we were told
In two corners of the world.

Dis-tances: versts, spaces...
They dislocated us, they displaced
us,
They disjoined us, crucified on
display,
And observed there, to their
dismay,

How our tendons joined, our ideas
broadened...
Without discord, - just in disorder,
Distorted...
Disconnected by a wall and a dike.
They disbanded us like

Eagles-conspirators: versts,
spaces...
Not disunited, - they disengaged
us.
Across the slums of the globe's
range
Like orphans, we're disarranged.

For how many Marches, have our
hearts
Been cut like a deck of cards?!
1925
[Andrey Kneller](#)

All things considered – this is a *structurally* difficult poem – the rough Google rendition is quite remarkable for a *machine* translation. It is evident that the text has been generated by matching phrases not words. Among the three professional versions I like the translation from the Northwestern University website best, because it is the most faithful. Like most of my Russian friends Elaine Feinstein doesn't like this “*рас-растроганный*” - *dis-lyrical, not-touching* poem; this is not her most felicitous translation. She usually delivers better renditions when feelings need to be expressed. Andrey Keller, who is a poet himself, tries hard to affect some rhyme and misses the important line: “И не знали, что это - сплав” - *And not knew, how this – alloy..-*. сплав=alloy is the crucial word, the key to this poem. For once this physicist enjoyed an advantage over the linguists!

And none of the translations captures the alliterative beat of Tsvetaeva's poem. Listen to Pavel Antokolsky's reading in the web:

<http://web.mmlc.northwestern.edu/~mdenner/Demo/texts/distances.html>

and then, with his voice still in your ear, read the English translations aloud. The difficulty lies in Tsvetaeva's repetition of the epithet "Pac - ras"="Dis". - "Dis" doesn't have the rasping sound of "Ras". While the meaning is exact, the soft articulation of "dis" destroys the sound of the English renditions. In an intermediate version of my translation I once tried to replace "dis" with "ras" and a footnote to explain the choice. It doesn't work, it delivers a hackneyed English which moreover looks ugly...

Of course, this labor is not and will never be completed. All *constructive* suggestions are welcome!

Index of First Lines

A full moon, and a bearish fur.....	21
A parting in Gypsy passion!.....	21
A strange anxiety befell him.....	22
Above the city, Peter had abandoned.....	25
Accustomed to steppes - eyes.....	28
Ach, to crash in a sheer fall -.....	33
After a sleepless night weakens the body.....	26
Alive and well!.....	32
All eyes under the sun – are burning.....	16
All repeat the first line.....	45
And neither save stanzas, nor constellations.....	29
Are you happy? - Can you tell me? Hardly!.....	11
At night all rooms are black.....	26
Attempt at Jealousy.....	39
Balcony.....	33
Before a mirror, where turbidity.....	17
Berlin.....	33
Between two – a hot fur!.....	44
Between us a double-edged knife	36
Bitterness! Bitterness! Eternal flavor.....	27
Blade.....	36
By the chain of singing poles.....	33
Dis-stances: versts, miles.....	40
Encounter.....	1
Euridice – Orpheus.....	35
Evening mists rising	1
Eyes	28
Falling leaves over your grave.....	8
Firstly, I love your.....	17
Free neck raised.....	14
Frivolity! - Darling sin.....	19
From where such tenderness?.....	22
Good News.....	32
He is gone - I cannot eat.....	44
Homesick for the Motherland!.....	42
Homesick for the Motherland! Long.....	42
How can you live with another woman.....	39
I - am. You - will be. Between us - a chasm.....	27
I am defiantly wearing his ring.....	6
I dedicate these lines to.....	3
I do not think, I'm not complaining, do not argue.....	18
I do want to not remind myself of.....	15
I have never honored the commandments.....	20
I have not gown prettier in the years of separation!.....	32
I know the truth! All old truths - vanish!.....	20
I know, I'll die at twilight!.....	31
I laid the table for six	45

I like that you're not mad about me.....	19
I never took revenge and never will avenge myself.....	43
I repeat on the eve of parting.....	16
I saw you three times.....	9
I'm just a girl.	2
In a world where everyone	39
In December, the dawn of happiness.....	21
In my Moscow - domes glow!.....	23
Let me not fall behind you! I am the - convict.....	25
Love! Love! Even in convulsions, in my grave.....	31
Mama.....	1
Meeting of the Minds.....	39
My poems, written so earl.....	4
Not remembering, not comprehending.....	38
Oh, how many of them fell into this abyss.....	2
Oh, how many of them fell into this abyss.....	2
Oh, Muse of weeping, fairest of the Muses!	25
One he created from stone, another from clay.....	30
Our conscience – Is not your conscience!.....	42
Past night towers.....	24
Patiently, as one splits gravel,.....	35
Poem of the End.....	38
Poems to a Lady-Friend.....	11
Poems to a Son.....	42
Poems to an Orphan.....	44
Poems to Blok.....	23
Poems to P. E. (Pyotr Efron).....	6
S. E. (Sergey Efron).....	6
The August day was slowly melting.....	6
The rain soothes the pain.....	33
There are some who are like suffocating flowers.....	17
They thought – just a man!.....	24
Thinking of something else, undiscovered.....	44
Those condemned to their last rags.....	35
To A. Tarkovsky.....	45
To Akhmatova.....	25
To B. Pasternak.....	40
Today I melted, today.....	12
To give you all... but no.....	34
Tryokhprudny Lane.....	4
Two hands are. given to me – I extend both.....	26
Two suns are cooling - oh, Lord, have mercy!.....	20
Under your caresses' lush plaid.....	11
Vspomyanite: This head is dearer to me than.....	18
Walker, you look like me.....	5
War, war! - burn incense before the icons!.....	8
What fun in glistening snowflakes.....	13
When you played an old Strauss waltz.....	1
Wires.....	33
You – After a Hundred Years.....	28
You crossed my path.....	14

You wear it like laziness.....	12
You, whose dreams are not yet lost.....	4
Your name - a bird in hand.....	23
Your years - Mountain.....	45